

17. ЦГА. Ф. 1261. Оп. 2, 1854. Д. 158а.
 18. ЦГА. Ф. 1261. Оп. 2, 1856. Д. 116.
 19. ЦГА. Ф. 1261. Оп. 2, 1856. Д. 46.
 20. ЦГА. Ф. 1261. Оп. 2, 1858. Д. 57.
 21. ЦГА. Ф. 1261. Оп. 2, 1859. Д. 126.
 22. ЦГА. Ф. 1190. Оп. 16. Ч. 3, 1860-1862. Д. 1.

А.С. Барабаш, Н.Г. Стойко

ДОКАЗЫВАНИЕ И ЕГО ЦЕЛЬ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ
 УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО РЕАБИЛИТИРУЮЩИМ И НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ
 ОСНОВАНИЯМ

В соответствии с основополагающими идеями уголовно-процессуального законодательства ключевой вопрос уголовного дела - вопрос о виновности или невиновности обвиняемого - решается судом при постановлении приговора. В то же время предусмотрена возможность прекращения уголовных дел на стадии предварительного расследования по так называемым реабилитирующим (п.п. 1, 2 ст. 5, ч. 2 ст. 208 УПК РСФСР¹) и нереабилитирующим основаниям (ст. ст. 6², 7, 8, 9 УПК)². Более того, эти виды прекращения дел законом выделены в качестве самостоятельной формы окончания предварительного расследования (ст. 199 УПК). Такой подход законодателя к решению вопроса оправдан, исходит из того, что истина достижима на предварительном следствии, и при достижении последней, при наличии дополнительной совокупности условий (речь идет о нереабилитирующих основаниях) нет необходимости судебного рассмотрения дела. В тех же случаях, когда истина не достигнута и на следствии использованы все возможности для ее достижения, вообще неразумно отправлять дело в суд.

Установление истины, решение других вопросов при прекра-

¹ В дальнейшем УПК.

² Круг нереабилитирующих оснований не исчерпывается указанными статьями. Они взяты для анализа в силу связи между собой, а также потому, что их применение на практике вызывает наибольшие затруднения.

щении уголовных дел, осуществляется в рамках уголовно-процессуального доказывания.

Доказывание по уголовному делу в процессуальной литературе характеризуют по-разному - в зависимости от стороны, аспекта, уровня, на котором оно рассматривается (18, с. 299; 23, с. 13; 8, с. 220-221).

Широко распространено в процессуальной литературе представление о том, что "доказывание в уголовном процессе имеет познавательную и удостоверительную стороны" (21, с. 239). Возможно, такой подход не вызвал бы нареканий, так как стороны его постоянно подчеркивают взаимосвязь, взаимопроникновение указанных сторон, хотя делается это не всегда четко, если бы не те выводы из данной концепции, которые появились в последнее время. Считается, что деятельность в рамках первого элемента направлена на достижение истины, в рамках второго - на ее обоснование, получение достоверного знания (13, с. 34). В данном случае наметился отрыв одной стороны процесса доказывания от другой, процесс по существу замер, лишился диалектики и в конце концов - распался. Последовательно в этом направлении шел в своих исследованиях Р.Г. Домбровский. В одной из своих работ (9) он разграничил две стороны процесса доказывания, что привело его, в последней по времени статье, к утверждению о том, что уголовно-процессуальное доказывание определенного тезиса - обоснование определенного утверждения. Субъектом доказывания при этом выступает тот участник уголовного судопроизводства, который не только двигает тезис, но и обосновывает его известными фактами (10).

Таким образом, автор весь многообразный процесс уголовно-процессуального доказывания свел к формально-логическому доказательству, преследуя при этом, как нам кажется, цель дать теоретическое обоснование "теории судебного иска в уголовном процессе". В отношении последнего мы сомневаемся в правомерности постановки самой проблемы, а не только в ее обосновании.

¹ Чтобы в этом убедиться достаточно обратиться к монографии, из которой только что приведена выдержка.

Безусловно, законы формальной логики имеют большое значение в деятельности органов расследования и суда. "Логичность рассуждений, строгое соблюдение законов правильного мышления при расследовании и разрешении каждого дела, — подчеркивает В.Н. Кудрявцев, — элементарное и необходимое требование для каждого юриста" (14, с.139). На это же обращает внимание и Н.Я. Якубович: "Правильно построенному расследованию всегда присуща логичность, выражающаяся не только в связанности, последовательности и непротиворечивости действий следователя и всех частей и этапов самого процесса расследования, но в первую очередь в обоснованности выводов следователя" (25, с.33). Но, несмотря на это значение, они не могут исчерпать всего процесса уголовно-процессуального доказывания.

Представленная картина сложилась в силу того, что уголовно-процессуальное доказывание в теоретической литературе обычно определяют как разновидность процесса познания. Исходя из этого считается, что оно "подчинено общим гносеологическим закономерностям и, как любая область познавательной деятельности, осуществляется по законам материалистической теории отражения" (22, с.237). В основном поиски общего на этом и ограничиваются, а так как было заявлено, что уголовно-процессуальное доказывание — разновидность процесса познания, то нужно искать специфику, и эта специфика была найдена в том, что уголовно-процессуальное доказывание шире познания и включает в себя кроме познания также обоснование познанного. Подобное решение представляется нам неверным. Невозможно представить себе область познавательной деятельности, где субъект мог бы обойтись без обоснования. В рамках уголовно-процессуального доказывания познающее мышление (и соответствующая ему практическая деятельность) развивается по законам диалектической и формальной логики, которые в определенной мере опосредствованы юридическими законами. Таким образом, оно имеет юридическую и логическую организованность. Последняя имеет две основные структурные стадии: внешнюю и внутреннюю (по отношению к мышлению). Первая представляет собой не связанные с содержанием мышления логические структуры (понятия, суждения, дедуктивные и индуктивные

умозаключения) и законы, правила, изучаемые формальной логикой. Вторая — категориальные структуры мышления (5, с.138; 4, с.162-163). На внешней стадии происходит отражение предмета как целого в единстве всех его свойств и сторон (хаотическое представление, описание целого); на внутренней — определяется сущность познаваемых образований (воспроизводится вся система необходимых связей, отношений целого) (24, с.304-315). При этом одна структура мышления как бы накладывается на другую, не поглощая ее, что создает условия для взаимопереходов формально-логических и диалектических построений в познании.

Сказанное позволяет нам утверждать, что уголовно-процессуальное доказывание не разновидность познания, а такой же познавательный акт, как любой другой, только имеющий свой специфический объект, результаты которого закрепляются в особой процессуальной форме.

Попробуем сказанное описать применительно к конкретному акту уголовно-процессуального доказывания, в котором условно можно выделить две стадии. После получения сигнала о совершенном преступлении начинается работа по поиску информации. Следственные действия, с помощью которых собирается информация, выбираются следователем не произвольно, а в зависимости от особенностей объекта познания. В данном случае под объектом познания понимается не все то, что произошло в прошлом, интересующее нас в связи с предполагаемой криминальной характеристикой, а следы этого события, оставшиеся в материальной природе и в психике людей. И уже здесь, на этом уровне, мы сталкиваемся с трудностями при описании. При проведении отдельного следственного действия в нем, как в капле воды, отражаются процессы, присущие уголовно-процессуальному доказыванию в целом. Поэтому нам придется огрубить действительность, недостающее будет восполнено при описании следующего этапа, и условимся, что в результате производства следственного действия мы получаем не "пакет" доказательств, а только одно. Итак, при анализе объекта следователь выбирает следственное действие, которое, по его мнению, позволит собрать о нем информацию. Правильность выбора проверяется при воздействии на объект, причем, в определенной мере это не

просто воздействие, а взаимодействие, которое может привести к отказу от применяемого следственного действия, не соответствующего природе объекта, к выбору другого. Познание объекта с помощью следственного действия – сложная мыслительная и практическая деятельность, в результате которой мы получаем конкретно-чувственное представление об интересующем нас фрагменте действительности. Эта информация затем получает процессуальное закрепление. Свободны ли мы здесь, с учетом заданных условий, от обоснования? никоим образом: ведь мы на месте происшествия обнаруживаем, положим, не просто предмет, а нож, и это уже требует обоснования.

Такая информация не дает нам представления даже о части интересующей нас действительности, но постепенно дефицит информации восполняется, и это побуждает следователя дать ей предварительное объяснение, выдвинуть частную версию. Здесь мы переходим от конкретно-чувственного к непосредственно не воспринимаемому. Выдвинутая версия позволяет нам сориентироваться в потоке информации и выбрать ту, которая подтверждает или опровергает ее. Подобное движение означает возврат к практической деятельности по сбору доказательств. При подтверждении версии отдельные фрагменты конкретного объекта складываются в единую картину, и версия переходит в новое качество – доказательственный факт. Этот переход – проверка версии на соответствие действительности – происходит в рамках познавательной деятельности, направленной на узкий участок действительности, которая непременно включает в себя обоснование выдвинутой версии вновь привлеченной информацией. Доказательственный факт – это новое знание, не сводимое к отдельно взятой информации.

При получении ряда доказательственных фактов задача следователя заключается в выяснении существующих между ними связей для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и на этом уровне возможны две ситуации: 1) когда доказательственные факты в силу существующей между ними связи полно и противоречиво устанавливаются обстоятельства предмета доказывания; 2) когда существует разрыв в цепи. В последнем случае деятельность следователя строится по схеме,

описанной выше, и направлена она на достижение первой ситуации¹, в рамках которой, как может представиться в первом приближении, действуют только законы формальной логики, использование которых направлено на обоснование конечного вывода по делу. Но это не совсем так. На данном уровне выясняется сущность познаваемых образований, при этом формально-логическая структура мышления развивается по законам диалектической логики.

Из сказанного с неопровержимостью вытекает следующее: уголовно-процессуальное доказывание – познавательный процесс, при осуществлении которого на всем протяжении используются как законы диалектической, так и формальной логики, приобретающие на разных уровнях доказывания более или менее явное внешнее проявление.

Приведенное выше относится и к доказыванию при прекращении уголовных дел по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям. Разграничиваемое, главным образом, по характеру оснований и юридическим последствиям их установления (12, с.305–339) доказывание здесь осуществляется с использованием законов диалектической и формальной логики в единой процессуальной форме, исследование которой позволяет определить ряд его общих черт.

В системе предварительного расследования (7, с.31–39; 6, с.31–35) о доказывании при прекращении уголовных дел по указанным основаниям можно говорить применительно к следующим этапам: 1) установление деяния; 2) обнаружение доказательств, свидетельствующих о причастности к нему определенного лица; 3) проверка доводов лица, виновного в совершении деяния. Каждый из этих этапов может завершиться принятием решения о прекращении уголовного дела. Следовательно, в рамках каждого этапа, с позиций доказывания, можно выделить установление определенных обстоятельств и формулирование вывода о необходимости (или возможности) окончания предварительного следствия составлением постановления о прекращении уголовного дела.

¹На данном уровне, независимо от ситуации, в поле деятельности следователя включаются и общие версии.

Вынесение постановления о прекращении дела мы непосредственно в структуру доказательственной деятельности не включаем, так как оно оформляет уже принятое решение, является фиксацией хода и результата доказательственной деятельности, когда она уже закончена, по нему судят о законности и обоснованности принятого решения. Сказанное подчеркивает важность этого процессуального документа, поэтому деятельность по его составлению необходимо выделить в качестве самостоятельного этапа предварительного расследования.

Итак, в рамках каждого из указанных этапов предварительного расследования при прекращении уголовных дел нами были выделены следующие виды деятельности следователя: установление определенных обстоятельств, формирование вывода о необходимости окончания предварительного следствия составлением постановления о прекращении уголовного дела и вынесение самого постановления. Достаточно ли этого для принятия в каждом случае законного и обоснованного решения? Представляется, что нет. Для реализации принципа всесторонности, полноты и объективности необходимо к оценке принятого следователем решения о прекращении уголовного дела, до вынесения постановления, привлечь заинтересованных в исходе дела лиц. И здесь на первый план выходит деятельность, которую можно обозначить как организационно-распорядительную. Эта деятельность состоит из уведомления заинтересованных лиц или учреждений о прекращении уголовного дела, о возможности ознакомления с материалами производства и т.п. Организационно-распорядительной эта деятельность названа с большой натяжкой по признаку, лежащему на поверхности. Сущность же ее направлена на то, чтобы на завершающем этапе расследования организационно обеспечить возможное продолжение доказательственной деятельности, т.е. эта деятельность осуществляется как для соблюдения прав и интересов участвующих в процессе граждан, так и для обеспечения достоверности выводов следователя по делу.

Доказывание осуществляется на всех участках деятельности в рамках этапа расследования, но на одних — роль его больше, на иных — меньше. Наиболее ярко и полно доказывание проявляется себя при установлении деяния и лица, виновного в его со-

вершении, при проверке его доводов и при формулировании вывода о судьбе дела. Организационно-распорядительная деятельность следователя сопровождает доказывание на всем протяжении следствия, только на этапе, предшествующем вынесению постановления о прекращении уголовного дела, она обозначается более отчетливо, хотя задача этого этапа та же самая, что, например, и на участке проверки показаний обвиняемого — обеспечить достоверность выводов следователя по делу.

Из сказанного следует, что нет основания для объединения организационно-распорядительной деятельности с деятельностью по составлению постановления о прекращении уголовного дела, как это делает А.Я. Дубинский (II, с. 135). Подобное объединение не учитывает выделенную выше разнокачественность анализируемых действий.

Структуру деятельности следователя при принятии решения о прекращении уголовного дела в рамках первого этапа предварительного расследования можно представить следующим образом: доказательственная деятельность по установлению деяния (отрицательный результат); формулирование вывода о принятом решении; организационно-распорядительная деятельность; оформление принятого решения; вынесение постановления о прекращении уголовного дела. По этой схеме осуществляется деятельность при прекращении уголовных дел за отсутствием события преступления, по этой же схеме может осуществляться расследование при принятии решения о прекращении дел за отсутствием состава преступления, когда это можно установить при анализе объективной стороны совершенного правонарушения, когда нельзя — это дело переходит на следующий этап предварительного расследования. На этом этапе структура деятельности складывается так: установление доказательств, свидетельствующих о причастности к совершению деяния определенного лица; проверка доводов лица, виновного в совершении деяния; формулирование вывода о принятом решении; организационно-распорядительная деятельность; оформление принятого решения, вынесение постановления о прекращении уголовного дела.

Могут быть, конечно, и отклонения от этих схем, например, когда в деле участвует субъект, вина которого предполагается,

а позднее выясняется, что отсутствует событие, положенное основу расследуемого дела. Подобная ситуация свидетельствует как правило, о недостаточной проработке первого этапа.

Деятельность при прекращении уголовных дел, как и любая человеческая деятельность вообще, направлена на достижение определенных целей. Цель — идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности (Ю, с. 1462). Направляя свою деятельность на определенный результат, человек уже в мышлении своем делает остановку процесса развития на фиксированном этапе, значимом для получения результата. Затем в рамках самой деятельности, доводя ее до определенного момента, результат сравнивается с тем, что намечалось в начале пути. При их совпадении движение продолжается к цели более значимого порядка, при рассогласовании — ищется причина. Иными словами, выдвижение цели — это программирование в процессе познания остановки для рефлексивной оценки сделанного.

Уголовно-процессуальное доказывание в любом случае (независимо от результата) направлено на достижение истины, необходимо требуя организации в системе процессуальных действий с целью получения достаточных доказательств для принятия завершающего уголовное дело решения.

Цель уголовно-процессуального доказывания — достижение истины. Но как она достигается в процессе доказывания? Решать этот вопрос мы будем применительно к тому представлению о процессе доказывания, которое было предложено выше.

При производстве следственного действия перед следователем стоит цель: как можно точнее описать воспринятое. На уровне описания он должен реализовать частные цели познания и обоснования непосредственно воспринимаемых объектов. Если здесь и можно говорить об истине, то только исходя из того, что знания в узкой области могут быть абсолютной истиной факта типа тех "банальностей" или "плоскостей", о которых писали Ф. Энгельс и В.И. Ленин (2, с. 88-90; 1, с. 133-134). Такова природа истины, устанавливаемой при производстве отдельных следственных действий. Причем следует сразу оговориться, что речь здесь идет только о тех следственных действиях, в рамках которых следователь получает информацию без передаточ-

ного звена (осмотр, обыск, выемка и другие им подобные). Если же информация получена от свидетеля, потерпевшего и т.д., то на данном уровне вопрос об ее истинности не может быть поставлен.

На основе собранных доказательств при выдвижении версии перед познающим субъектом встает цель: установить истинность каждой отдельно взятой информации, входящей в основание версии и версии в целом. Достигается этот результат путем привлечения дополнительной информации, с помощью которой обосновывается соответствие версии действительности, после чего она превращается в доказательственный факт. Обоснование выступает здесь скорее всего не как цель, а как средство достижения цели познания опосредствованного объекта — истины.

При установлении доказательственных фактов деятельность следователя переходит на другой уровень, где стоит цель: обосновать имеющимися доказательственными фактами наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Здесь происходит проникновение в сущность опосредствованного объекта более высокого порядка, чем выделенный ранее, в результате которого мы получаем истинные знания о деянии и лице, его совершившем, если используемые в процессе обоснования доказательственные факты соответствуют действительности. Происходит вычленение из каждого доказательственного факта зерна истины или снятие ее, в результате чего формируется представление о преступлении, соответствующее действительности.

Посмотрим, каким образом должны преломляться в деятельности следователя указанные цели уголовно-процессуального доказывания при прекращении дела по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям.

Достижение истины — это генеральная цель, которая должна быть достигнута при расследовании уголовных дел, но достижения она не всегда. Закон специально предусматривает случаи, когда дело может быть прекращено за недоказанность (ч. 2 ст. 208 УПК). В этом случае целью деятельности следователя является обоснование того, что собранной информации недостаточно для однозначного вывода о виновности или невинности обвиняемого и исчерпаны все возможности для дополнительного

сбора доказательственного материала, т.е. в данном случае следователь должен обосновать недостижение цели уголовно-процессуального доказывания. Близкая к рассматриваемой ситуация возникает тогда, когда речь идет о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления. Здесь мы должны доказать достижение истины того, что событие, по поводу которого велось расследование, в действительности не существовало. Близость мы усматриваем в том, что деятельность следователя в двух разобранных случаях заканчивается в рамках уголовного процесса. Иное положение складывается по другим основаниям — как реабилитирующим, так и нереабилитирующим. В данных случаях цель деятельности следователя не замыкается только на обосновании истинности полученных знаний. Задача следователя гораздо шире. При прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления недостаточно обосновать цель познания, нужно доказать несоответствие собранных данных конкретным составам, предусмотренным нормами УК РСФСР. Подобная необходимость возникает и тогда, когда встает вопрос о возможности прекращения уголовного дела в связи с применением мер административного или общественного воздействия. По этой категории дел цель — не только установление того, что лицо совершило деяние и виновно в его совершении, но и обоснование того, что деяние содержит признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, и лицо, в силу незначительной общественной опасности, может быть перевоспитано и исправлено с помощью мер административного или общественного воздействия.

Неразграничение этих целей применительно к прекращению уголовных дел по нереабилитирующим основаниям привело отдельных авторов к распространению требования достижения истины на все выводы при прекращении дел этой категории. Но можно ли это требование распространять на вывод о возможности исправления и перевоспитания лица без реализации уголовной ответственности с помощью мер административного или общественного воздействия? Представляется, что нет. Оно неприменимо в силу того, что вывод о возможности исправления

и перевоспитания, строясь на данных действительности, учитывая прошлое, является прогнозом будущего поведения человека, который, как мы надеемся, будет вести себя должным образом. Превратится ли наш прогноз в действительность — мы можем только предполагать с определенной долей достоверности, которая зависит от полноты установления всех нужных для решения вопроса о прекращении деталей. Но даже исчерпывающая совокупность данных не делает вывод истинным (другое дело, что он должен быть доказан), так как в будущем возможно появление целого ряда обстоятельств объективного или субъективного свойства, воздействующих на поведение лица, освобожденного от уголовной ответственности, в плане отклонения от прогнозируемого нами ранее результата. О возникновении подобных факторов в будущем, субъект, принимающий решение, в момент его принятия не может даже предполагать, так как они не имеют объективной основы, если же такая существует, то он не вправе принять решение о прекращении дела по одному из нереабилитирующих оснований.

Как видно, при прекращении по п.2 ст. 5 УПК и по ст. 6¹ УПК деятельность следователя не замыкается в рамках уголовного процесса, выходит за его пределы, т.к. для обоснования принятого решения следователь обязан в качестве аргументов привлекать информацию из уголовного права. Сказанное не размывает рамки уголовно-процессуального доказывания, т.к. существует коренное отличие уголовно-процессуального доказывания от квалификации, которое заключается в том, что в рамках уголовно-процессуального доказывания познавательная-практическая и логическая деятельности тесно переплетены, они просто мыслимы друг без друга, это обусловлено спецификой объекта познания (события прошлого) и целью, стоящей перед познающим (установление истины). Когда же речь идет о квалификации, то здесь для достижения стоящей перед следователем цели ему достаточно такого инструмента, как формальная логика. А цель здесь — правовая оценка установленных обстоятельств, обоснование их преступного или не преступного характера (З,с,5-II). При расследовании уголовного дела нужно выделять диалектико-познавательную деятельность (уголовно-процессуальное до-

казывание и формально-логическую (квалификация). В юридической науке доказывание и квалификация рассматриваются в разных отраслях, мы же здесь пытались отразить то, каким образом эти понятия переплетаются при обосновании окончательного решения по делу.

Наш подход к решению вопроса о целях уголовно-процессуального доказывания позволяет нам, как представляется, правильно решить вопрос о содержании истины в советском уголовном процессе. Некоторые авторы в содержание истины как цели доказывания включают не только правильное установление фактических обстоятельств, но также правильную уголовно-правовую квалификацию (16, с. 117-118) и даже правильное определение наказания (17, с. 223). Это различие объясняется недифференцированным подходом к понятию уголовно-процессуального доказывания. Цель уголовно-процессуального доказывания экстраполировалась на квалификацию и на определение наказания, что в плане изложенного нами является неверным, истина относится только к цели уголовно-процессуального доказывания. Установление обстоятельств уголовного дела должно быть истинным, определение квалификации - правильным, а мера наказания - справедливой (20, с. 325-326; 15, с. 88-90).

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20.
3. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.
4. Андреев И.Д. Диалектическая логика. М., 1985. С. 162-163.
5. Ведин В.П. О предмете диалектической логики // Философские науки. 1977. № 3.
6. Викторов Б.А. Общие условия предварительного расследования. М., 1971.
7. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование. М., 1968.
8. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.
9. Домбровский Р.Г. Логика и теория судебных доказательств//

- Оптимизация предварительного расследования. Иркутск, 1982.
10. Домбровский Р.Г. Факты как средства доказывания в уголовном процессе // Теория и практика установления истины в правоприменительной деятельности. Иркутск, 1985.
 11. Дубинский А.Я. Исполнение процессуальных решений. Киев, 1984.
 12. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие. М., 1965.
 13. Каргандберг Э.М. О некоторых вопросах соотношения познания и уголовно-процессуального доказывания // Вопросы применения уголовно-процессуального законодательства. Тарту, 1982.
 14. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963.
 15. Каминская В.И. Взаимоотношения уголовного и уголовно-процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1975. Вып. 22.
 16. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.
 17. Перлов И.Д. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960.
 18. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. I.
 19. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1983.
 20. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. I.
 21. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973.
 22. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973.
 23. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973.
 24. Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983.
 25. Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971.